Евгений Абрамович Баратынский

Александр Кушнер, известный современный поэт, сказал, что у нас «что ни век, то век железный». Сегодня хотелось бы вспомнить человека, который, возможно, первым дал такую характеристику времени, в котором жил, о Евгении Боратынском, тем более, что 2 марта 2010 года исполняется 210 лет со дня его рождения.

Этот поэт никогда не входил в список обязательных для изучения в школе авторов, скорее всего потому, что был довольно равнодушен к общественно-политической жизни. Есть у Боратынского одно стихотворение, обличающее «злодея Аракчеева», но оно единственное и никак не является программным для его творчества, к тому же тогда, в первой трети XIX века, только ленивый не обличал Аракчеева. Тема России как государства, нации, её судьба, отсутствует у Боратынского начисто! А как же знаменитое: «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»?! Конечно, обязан, кто же спорит, только у Боратынского не было с ранней юности никаких иллюзий об истинном соотношении государства и частного человека. Когда и как приобрёл Боратынский этот опыт, позволивший ему развиться в одного из глубочайших русских поэтов-философов, о котором Пушкин сказал так: «Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален – ибо мыслит. Он был бы оригинален везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем чувствует сильно и глубоко»?

Раннее детство Евгения Боратынского прошло в усадьбе Мара в Тамбовской губернии. Усадебное детство его было, видимо, до такой степени счастливым, что до конца дней «домашнее» существование человека – когда он остаётся самим собой, когда его любят таким, какой он есть, когда никто не оспаривает его места на земле – оставалось для Боратынского нормой, навсегда запечатлевшейся в его памяти. К тому же опыт дальнейшей его жизни был совершенно иным. В 1812 году, 12 лет от роду, его отвезли в Петербург и определили в Пажеский корпус. Личная катастрофа, случившаяся в его стенах с Боратынским, сыграла важнейшую роль в жизни поэта, наложив глубокий

отпечаток на его характер. Детский грех Боратынского преследовал его всю жизнь.

Что же произошло? Боратынский в письме к Жуковскому в конце 1823 года писал о том, что в корпусе его сразу же возненавидел один из наставников. Взрослые пристрастны, а дети не менее самолюбивы, чем взрослые и жаждут справедливости. Евгений педагогу отомстил, написав на листе бумаги каллиграфическим почерком «пьяница» (что было правдой) и прицепив эту бумажку на спину наставнику. На Боратынского «донесли». Он просидел под арестом три дня. Повторим, что Евгений просто хотел справедливого к себе отношения и мстил взрослому обидчику, дурных наклонностей в нём не было. Однако среди преподавателей он прослыл отъявленным негодяем. Что ж, «лучше грешным быть, чем грешным слыть»! И двенадцатилетний Евгений Боратынский решил стать шалуном (хулиганом в современной интерпретации) по-настоящему. Что читают (смотрят) все мальчишки в любую эпоху? Конечно, приключения. Особенно из жизни благородных (и не очень) разбойников. Воображение Евгения будоражил Карл Моор, воспетый Шиллером. Разбойничья жизнь казалась ему завиднейшей на свете. И он решил организовать общество мстителей, чтобы сообща бороться с несправедливыми преподавателями. Чего они только не творили! Учителя, снимая верхнюю одежду, складывали её на подоконнике. «Мстители» прибивали шляпы к подоконникам гвоздями, а шарфы преподавателей обрезали. Инспектору они всыпали в нюхательный табак толчёных шпанских мух (жгучее аптечное снадобье почище молотого перца), от чего нос инспектора раздулся и покраснел... И наконец эти «благородные разбойники» докатились до настоящей кражи. К ним прибился четырнадцатилетний оболтус, сын камергера (должность в России того времени немалая!). У подростка водились вполне приличные деньги. Как-то камергеров сын сознался, что подобрал ключи к бюро своего отца, где большими кучами лежали казённые деньги и что он каждую неделю берёт оттуда несколько бумажек. Жизнь мстителей стала весьма роскошной. Однако владельцу ключа предстояла поездка в Москву. Компания приуныла. Но камергеров сын перед отъездом торжественно вручил ключ

товарищам: возьмите, мол, пригодится. Ключ пригодился. Пятеро воспитанников, обманув преподавателей, выбрались из корпуса, затем, выпив для храбрости ликёру, под предводительством Евгения Боратынского отправились грабить камергера. И ведь ограбили! Кража была раскрыта и разразилась катастрофа. Дело дошло до царя. Их наказали и как детей – выгнали из корпуса, и как взрослых – запретили служить где-либо, кроме как рядовыми. Затем Евгений несколько месяцев мотался по разным пансионам, откуда его исключали немедля, узнав, что он ТОТ САМЫЙ. Он был близок к самоубийству. В таком состоянии вернулся в родной дом. Встретили его как в притче о блудном сыне: он ожидал укоров, а нашёл лишь бездну нежности, тут перед ним открылся весь ужасающий смысл его проступка. Пришло раскаяние. Таких душевных движений он не выдержал, (лет-то ему было всего 15), у него началась сильнейшая нервная горячка, которая едва не свела его в могилу. С осени 1818 года Боратынский в Петербурге. Зимой 1819 года рядовым в гвардейский полк. Он хлопочет о производстве в офицеры, за него хлопочут...Его «солдатчина» была формальной, но производство в офицеры означало для него гражданскую реабилитацию и моральное искупление. Но все попытки добиться этого сталкивались с личной волей императора Александра I. Царь прощать юношу не хотел. Противостояние очень молодого впечатлительного человека живому воплощению государства было мучительным. Нигде и никогда этот конфликт конкретно Боратынский не обозначал, зато в его мировоззрение вошло понятие «судьба», поработившая его, сделавшая его своей игрушкой. Может быть именно в этом причина полного отсутствия в его поэзии гражданской и политической лирики? Продолжалось это непростое единоборство девять лет и за эти девять лет Боратынский сделался знаменитым поэтом.

Боратынский не особенно верил в долговечность своей поэзии. В стихотворении, посвящённом посадке леса в Муранове (имение Боратынского) он писал,

Что некогда её заменят эти
Поэзии таинственных скорбей
Могучие и сумрачные дети.

Боратынский ошибся. От рощи, им посаженной, ничего почти не осталось, а стихи его живы и будут жить, пока жив русский язык.

Поцелуй (1822)

Сей поцелуй, дарованный тобой,
Преследует моё воображенье:
И в шуме дня, и в тишине ночной
Я чувствую его напечатленье!
Сойдёт ли сон и взор сомкнёт ли мой –
Мне снишься ты, мне сниться наслажденье!
Обман исчез, нет счастья! И со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

~ ~ ~ ~ ~ ~

Предрассудок! Он обломок
Давней правды. Храм упал;
А руин его потомок
Языка не разгадал.
Гонит в нём наш век надменный,
Не узнав его лица,
Нашей правды современной
Дряхлолетнего отца.
Воздержи младую силу!
Дней его не возмущай;
Но пристойную могилу,
Как уснёт он, предку дай. (1841)

© Л.Е. Сычева, главный библиотекарь